

Валентин Балмочных

На маральниках

Апрель и март свободных
путешествий
По горным селам
слякотным ведет.
Но будто я агент
Интеллиженка,
В стогу соломы
высмотревший дот, —
Так смотрит косо хмурый
председатель.
Пасется на стерне овечьей
полк.
— Без удостоверенья
не писатель,
Без документа и овечка
— волк...
Другая жизнь за триста
километров,
Цветная металлургия
вдали...
Здесь только горы
в вечном стиле ретро
Частично первозданность
сберегли.
Спасибо, жизнь,
за данные восторги,
Которых ныне
в путанице нет.
Душа звенит
в обледелом морге
Курганной нумизматикой
монет.
Я не играю в бодрого
гиганта.
Но с полувегляда
главное пойму —
В краю, где жизнь
даруют чудо-панты
И смерть кочует
в сернистом дыму.
И вижу министерство
под забралом.
Под шлемом, бесконечно
— каждый год —
Растут рога свинцового
марала,
Который орден за отраву
ждет.
Сквозь морось и туман

прорвется лучик —
Весна. Надежда всюду
гнезда вьет.
А на дороге, над дорогой,
в тучах
Необходимость Гоголя
живет.

Любовь

Родина — облако
формальдегида,
Хлора, капелей
кислотных с небес —
Приплюсовала
к прошедшим обидам
Новых сомнений
добавочный вес.
Облако к облаку, камень
на камень.
Черта ругаешь и Бога
зовешь.
Кончилась жизнь.
Пресыщенные и амен,
Но, как отсрочка:
ну, как ты живешь?
Кончилось детство.
В слепом океане
Канула юность, прошли
острова.
— Как ты живешь? —
будто волны
в мембране —
Необязательных
всплесков слова...
Я вас любил... —
неуместно и дико
Формулой крови
в туманы ушло.
Вызрело сменою
в атомных ликах
Необходимости
сложное зло.
На перекрестки забытой
свободы
Сыплет небесная манна
солей,
Ревность хранит
мышьяковую воду,
Выбросы стронция,
цезий полей.
Тяжкое солнце дымящих
окраин
Давит свинцовую муть
октябрей.

Стану ли, звенья годов
выбирая,
На рубеже осмысленья
добрей?
Канувших фаун и флор
молодыху
Лживым фонариком
не ослеплю,
И, пробираясь
над пропастью духа,
Я вот такую ее полюблю.

Баллада о пустоте

Вы просите поэзии!
Бессовестно вам
врать...

Жил человек
в несвободное время,
Временем втиснутый
в жалкий барак,
Нес отпечатка тяжелое
бремя:
«Гриня притыркнутый.
Гриня дурак».
Был не ходоком на любые
парады.
Не с чего было — так
вовсе не пил.
Тихо трудился,
дымил самосадам.
Бога лишь этим,
пожалуй, гневил.
Пьет ли в столовке
пародию чая,
Смотрит ли в окна
на мерзостный вид:
Каждый дурак Гриню
жить научает,
Всякий учителем быть
норовит.
Каждый, стократно
Гришани порочней,
К пользе своей укушать
норовит:
Те, кто Россию, страну
раскурочил,
Те, кто придал ей
сегодняшний вид.
Вечно клянут его, всюду
терзают:

К ногтю прижать,
растереть в порошок.
Все разуказы на нем
повисают,
Лишь переходят
в урчанье кишок.
Новый министр,
библейским пророком,
Гришам вещает
сверхрайские дни,
Но, как и прежде,
налогом-оброком
Тяжесть обмана
выносят они.
Шло бы и шло так,
да вот докатилось.
Жизнь повернула
изменчивый бег:
По иерархии тащится
милость.
Чтоб осчастливить
пятьсот человек.
Ткнулась в предместье
телега раздора —
Время настало бараки
ломать.
Гриня средь споров
промовил нескоро:
«Бога забыли, туда
иху мать...»
Вроде бы лучших
условий для быта
В доме панельном,
чем тут, не найти.
Гриня несет на машину
корыто:
«Бог, он все видит,
туда все ети».
Всех под одну зачищают
гребенку,
Всех бы в казарму,
в этажность загнать
Кто о старухах подумал,
ребенках?
«Жить без земли...
ах ты мать-перемать...»
Тут под горой Гриня
жил с огорода,
Благо какое — земляца
своя.
Личный кусочек
цветущей природы:
Чуть ли не лично имел
соловья.
Выйдешь... и все тут
надворные кремни
Светятся маем, июнем
зари,
Розовый свет голубятни
объемлет,
Сердце прошепчет
мгновенью: «замри».
Как это голуби в детстве
воркуют
Речью сердечной —
ворчанье добра.
И навсегда, как вещьцу
блазую,
Помним то перышко,
ласку утра
Как эти травы ушедшие
грелись,
Добролюбивно объяв
острова,
О, если что-то —
слонявая ересь,
Только не память
мгновенья пера...
Сломан уклад,
где щенились собаки...
Свадьбы кошачьи.
А поле вдали...
Что же, бывали
и пьяные драки,
Где же их нет
на планетной люли?
За Иртышом
у бугристого яра
Место такое: протоки,
язы,
Там после смены
рыбачили парой,
Гриня и Верный,
дворняга Руси.
Как по цветущим
черемухам медом
Тянет к рассвету
тягучей водой...
Если один —
не частица народа,
Чей же сей мир,
если вовсе не твой?
Снег и вороны, ручей
тополинный,
Будут во сне
до скончанья вставать.
Весны оттаявшей
красною глиной,
Талом и вербою сны
станут рвать...
Реквием матерный:
«Майна!» и «Вира!»
Рушат бараки
вращение стрел.
Вот и отняли частицу
от мира...
Мир не убавился
и не сгорел.